

МЕТАМОДЕРН В КУЛЬТУРЕ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ

METAMODERNISM IN CULTURE AND EVERYDAY LIFE

УДК: 81'42

DOI: 10.31249/chel/2024.02.01

Нагорная А.В.

«РОМАНТИЧЕСКАЯ НАУКА» В КУЛЬТУРЕ МЕТАМОДЕРНА: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ ИЛИ УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ МОДЕЛЬ ЗНАНИЯ?©

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Россия, Москва, anagornaya@hse.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности зарождающейся культуры метамодерна, намечаются основные векторы ее развития, определяется роль, которую призвана сыграть в ней наука, и описываются некоторые тенденции в развитии научного знания. Рассматривается возможность инкорпорирования принципов «романтической науки» в современную парадигму научных исследований. Определяются истоки романтизма, описываются особенности его исследовательской перспективы, прослеживается динамика его развития, выявляются те его принципы, которые оказываются наиболее релевантными и эвристически перспективными для культуры метамодерна, раскрываются его преимущества для гуманитарных наук вообще и лингвистики, в частности.

Ключевые слова: культурная формация; постмодернизм; метамодернизм; романтическая наука начала XIX в.; ученые-романтики; современная романтическая наука; лингвистика.

Поступила: 27.11.2023

Принята к печати: 25.01.2024

Nagornaya A.V.

“Romantic Science” in the Metamodern Culture:
Epistemic anarchism or an improved knowledge model?©

*National Research University “Higher School of Economics”,
Russia, Moscow, anagornaya@hse.ru*

Abstract. The paper examines the basic features of the emerging metamodern culture, outlines the main vectors of its development, defines the role of science in its advancement and describes some of the most relevant trends in the evolution of scientific knowledge. It considers the possibility of integrating the principles of romantic science into the contemporary scientific paradigm. It further identifies the origins of the romantic tradition, describes its research perspective, traces the dynamics of its development and reveals the principles which prove most relevant and heuristically promising for the metamodern culture, and ponders on its benefits for the Humanities in general and Linguistics in particular.

Keywords: cultural formation; postmodernism; metamodernism; early 19th century romantic science; romantic scientists; contemporary romantic science; Linguistics.

Received: 27.11.2023

Accepted: 25.01.2024

Введение

Начало XXI века ознаменовалось глубоким кризисом западной культуры. Постмодернизм как социокультурная и дискурсивная формация концептуально исчерпал себя. Сложившиеся в его рамках конвенции, традиции, интерпретативные модусы и риторические практики оказались непригодными для осмыслиения и описания новой, существенно изменившейся реальности (см.: [Metamodernism ..., 2017, р. 2]). Главным фактором и движущей силой этого изменения исследователи единодушно признают появление новых режимов коммуникации, связанных с повсеместным распространением Интернета (см., например: [Le Cunff]). Новая, рождающаяся культурная формация – это «эпоха онлайн-творца», как пишет А.-Л. Ле Канфф [ibidem]. Она открывает принципиально новые возможности для взаимодействия с миром. Среди них – практически неограниченный доступ к информационным ресурсам.

сам, прямой выход на многомиллионную интернациональную аудиторию, широчайший выбор средств и способов самовыражения, возможность не просто оказывать влияние на интеллектуальную и духовную жизнь общества, но и задавать новые тренды, и многое другое.

Важен, однако, не только экспоненциальный рост возможностей, но и изменение качественных характеристик коммуникации. К ним в первую очередь относится особая, ранее не востребованная тональность общения, для которой характерны рефлексивность и искренность [Turner, 2015] и которая так сильно отличается от отстраненной иронии и холодного цинизма постмодерна. Эта общая тональность пронизывает не только новые дискурсивно-вербальные практики, но и дискурс в более широком смысле, включая множество нарождающихся эстетических феноменов. В их числе «новая искренность» и «новые странные» (*New Weird*) в литературе [The New Weird, 2008], новый романтизм в изобразительном искусстве [Vermeulen, van den Akker, 2010], новый маньеризм в прикладном творчестве [van Tuinen, 2022], новый фолк (*Nu-Folk*) в музыке [Richardson 2016] и quirky-кинематограф [Moss-Wellington, 2021].

В этом потоке жанров и трендов обращает на себя внимание часто повторяющееся определение «новый». Оно явно указывает на возрождение и развитие ранее существовавшей традиции или практики, которая подверглась определенной концептуальной ревизии. Это совмещение традиции и новаторства нашло отражение в самом названии зарождающейся культурной формации – «метамодернизм».

Метамодернизм как культурная формация

В литературе метамодернизм определяется по-разному. Его называют «культурной парадигмой» [Dumitrescu, 2007], «культурным кодом» [Andersen, 2019], «культурной возможностью» [Ibid.], «культурной логикой» [Dempsey, 2023] и даже «особой структурой чувств» [Metamodernism ..., 2017, р. 4]. Авторы едины лишь в датировке этого явления (начало XXI в.) и в его оценке как чего-то чрезвычайно сложного, а порой и весьма «странныго» [Something altogether weirder, 2018].

Эта «странная сложность» проистекает из необычного для культурной формации «надстроичного» статуса метамодернизма. Как известно, приставка «мета» используется для обозначения последовательности, трансформации, перехода в другое состояние, выхода на уровень более широких обобщений и т.д. [Merriam-Webster]. В любом случае «мета» предполагает наличие определенного исходного базиса, служащего одновременно и точкой опоры, и ориентиром, относительно которого и с учетом особенностей которого создается некоторая новая «конструкция» более высокого порядка. Применительно к культурным формациям суть этих взаимоотношений между базисом и условной надстройкой наиболее интересно и эвристически перспективно раскрывается в работах Б.Г. Демпси. Он трактует «мета» как включенность в «петлю саморефлексии» (*a self-reflective loop*), приводя в качестве примера такие культурные «продукты», как песня о песнях, пьеса о пьесах или фильм о фильмах. Как поясняет Б.Г. Демпси, мы наблюдаем здесь включение саморепрезентации в презентацию более высокого уровня. Эти презентации рекурсивно рефлексируют сами себя, создавая уровни внутри уровней, подобно отражающим поверхностям в зеркальных лабиринтах. «Мета», пишет Б.Г. Демпси, предполагает рекурсивный переход посредством бесконечно повторяющейся саморефлексии [Dempsey, 2023, р. 6].

По мнению Б.Г. Демпси, вход в «мета»-режим означает создание нового уровня анализа, который позволяет критически осмыслить предмет с более высокой «наблюдательной позиции» (*vantage*), дающей более широкий охват соответствующего поля [ibid.]. Рекурсивная саморефлексия всегда предполагает движение в сторону расширения перспективы и никогда – в сторону ее сужения. Автор приводит интересную, но непростую для понимания аналогию: человек, изображенный на картине, выбирается из картины и смотрит на картину, частью которой он раньше был. Теперь он может увидеть весь контекст своего предшествующего положения и понять его суть: это была всего лишь картина. Он может также оценить свой старый контекст в рамках открывшегося его наблюдению более широкого контекста со своей новой позиции: это картинная галерея. Теперь ему становится доступна более сложная система взаимоотношений, релевантных для данного контекста. Разумеется, с увеличением охвата растет объем получаемой информации.

мации: появляется большее количество предметов и феноменов для рефлексии и растет число объектов, вдохновляющих нас на рефлексию.

Б.Г. Демпси, таким образом, предлагает нам «геометрическую логику возрастающего количества измерений», иллюстрируя ее еще одной яркой аналогией: сначала мы последовательно наблюдаем реальность на экранах с постоянно увеличивающимся разрешением, а затем переходим на новый формат – от двухмерного изображения к трехмерному [ibid.].

Эта логика объясняет не только бесконечность процесса, но и его постоянно нарастающую сложность. Каждое новое измерение становится единицей в структуре многомерного пространства более высокого порядка. Соответственно, чем больше частей оказываются интегрированными в структуру целого, тем выше степень его сложности. Следует особо подчеркнуть, что в качестве составных частей этого целого выступают не только фрагменты нового только что полученного знания, но и давно существующие эпистемические структуры, статус и степень востребованности которых зависит от содержательной специфики развивающейся культурной формации.

Смена культурных формаций – это не просто линейная хронологическая последовательность, а всегда движение в сторону усложнения. Так, переход от модернизма к постмодернизму был связан с признанием принципиальной множественности картин мира, плюралистичности эпистемических перспектив. Метамодернизм же не просто принимает идею плюралистической множественности, а дополнительно усложняет ее, представляя знание как многоуровневую структуру и тем самым создавая его многомерную модель. Его особенностью является то, что он разрешает нам свободно перемещаться между разными уровнями и активно поощряет поиск продуктивных связей между ними. При этом, отвергая постмодернистский скептицизм, метамодернизм реабилитирует эмоционально-чувственное, интроспективное и личностно значимое, предлагая альтернативу «стерильной» [Storm, 2021, p. ix] гиперинтеллектуализированной «объективной» науке и одновременно закладывая моральные основы для интимности, духовности, религиозности и самопознания [Andersen, 2019]. Таким образом, он

изменяет само представление о знании, постулируя возможность разных, но одинаково валидных логик.

Подчеркнем, что в настоящее время мы не можем говорить о метамодернизме как о состоявшейся культурной формации, которая обрела четкие контуры и наполнилась вполне определенным содержанием. Эта формация находится в стадии становления. Некоторые специалисты сравнивают этот процесс с рождением звезды из туманности: пока все еще слишком зыбко и потенциально опасно. Как и в случае со звездой, то, что зарождается сейчас, может вдохнуть новую жизнь во Вселенную, а может и разнести ее в клочья [Severan, 2021].

Препятствовать этим деструктивным тенденциям призвана наука, основной задачей которой становится стратегическое планирование будущего новой культуры, выстраивание такого вектора, который был бы направлен в сторону созидательного развития. Как пишет Дж.А. Джозефсон Сторм, ученые должны создать новую, «усовершенствованную» модель знания, которая отвергала бы как модернистский эссециализм, так и постмодернистский скептицизм, избегала бы как чрезмерной фрагментации знания, так и излишней его генерализации, не была бы направлена ни исключительно внутрь, ни только вовне [Storm, 2021, р. 3]. Исследователь сравнивает этот процесс с Коперниканской революцией, предлагая нам собственную версию «геометрической логики». По словам Дж.А. Джозефсона Сторма, мы должны «повернуть науки о человеке вокруг их собственной оси», причем для выхода на качественно новый этап развития этот поворот должен быть осуществлен не на «фиксированной плоскости дисциплинарных горизонтов», а в трехмерном пространстве. «Вместо того чтобы вращаться по кругу, мы должны двигаться по спирали и вверх» [ibid., р. 6]. Именно такой подход в идеале позволит нам выработать модусы научной рефлексии, соответствующие степени сложности не только решаемых проблем [Andersen, 2019], но и самого изменившегося мира, достичь системного и глубокого его понимания. При этом как никогда важной становится морально-этическая сторона научного прогресса: Дж.А. Сторм считает, что мы должны совместно «бороться за достижение утопии в антиутопические времена» [Storm, 2021, р. 8].

Феномен романтической науки

Санкционированная культурой возможность скольжения по разным уровням рефлексии, доступность широкого спектра эпистем и допустимость разных видов логики, активно поощряемый поиск новых парадигмальных связей все чаще стали приводить ученых к творческой переработке старых, некогда отвергнутых или не получивших широкой популярности идей и концепций. К их числу относится так называемая романтическая наука, которая в определенном смысле переживает второе рождение, привлекая все больше внимания со стороны представителей самых разных дисциплин (см.: [Sha, 2018, р. 1]). Подчеркнем, что интерес к ней обусловлен не только спецификой ее собственно познавательной перспективы, но и значимостью ее этической составляющей, тем гуманистическим потенциалом, который может помочь нам решить поставленную Дж.А. Джозефсоном Стормом задачу «достижения утопии».

На первый взгляд «романтическая наука» может показаться термином-оксюмороном [Halliwell, 2019], за которым угадывается попытка соединить несоединимое и примирить непримиримое, навязав строгому научному знанию чуждые ему этико-эстетические категории. В идее романтической науки видится нечто до- и даже антинаучное, эпистемически не- и даже контрпродуктивное, противоречащее не только современным академическим принципам, но и самой природе знания. Романтическая наука стереотипно воспринимается как «спекулятивная, фантастическая, мистическая и слабо структурированная» [Romanticism and the Sciences, 1990, р. 7–8].

Такое видение в большей степени свойственно тем, кто связывает эту традицию исключительно с деятельностью ученых-романтиков конца XVIII – начала XIX в. – периода, когда дисциплинарная наука находилась лишь в стадии становления, граница между ее гуманитарным и естественным направлениями еще не была четко прочерчена, а научными изысканиями часто занимались философы и люди искусства – художники, писатели и поэты. Назовем лишь некоторых из них: И.В. фон Гёте, Г. Шеллинг, Ф. Шлегель, Г. Гегель, И. Кант, И.Г. Гердер, Л. Окен, К. фон Бер, Х.С. Орстед, Новалис (настоящее имя Фридрих фон Харденберг),

У. Вордсворт, С.Т. Кольридж. Заметим, что и люди науки часто добивались выдающихся успехов в творческой деятельности. Весьма показателен здесь пример поэта-романтика Дж. Китса, который был квалифицированным хирургом [Romanticism and the Sciences, 1990, p. 15]. Особенно важно то, что всеобщая увлеченность наукой объяснялась не только желанием внести посильный вклад в прогресс человечества. Соединение научного и эстетического было принципиальной позицией ученых-романтиков и стержневым компонентом их исследовательской программы (см., например: [Sha, 2018, p. 8]).

Эта первая версия романтической науки возникла как антитеза «бездушной механистической натурфилософии Эпохи Просвещения» [Romanticism and the Sciences, 1990, p. xix]. Главным устремлением ученых-романтиков стал поиск универсальных законов природы, единых для всех населяющих нашу планету существ и обеспечивающих гармонию между целым и его частями. При всей масштабности и амбициозности этой задачи ученые-романтики отнюдь не стремились к созданию глобальных теоретических построений. Более того, они видели в универсальных системах эпохи Просвещения «тюрьму для духа» [Halliwell, 2019] и предлагали мягкую, «динамическую» версию науки, которая признавала существование невидимых сил и загадочных внутренних механизмов, текучести, изменчивости, возможности разнообразных изменений и трансформаций (см.: [Holmes, 2009, p. xi]). Отказ от универсализма предполагал фокусировку на частном случае, единичном проявлении. Вспомним здесь известный образ, предложенный поэтом-романтиком У. Блейком: для того, чтобы осмыслить вечность, мы должны увидеть ее в песчинке, а не наоборот – пренебречь песчинкой, устремляясь разумом к вечности [Halliwell, 2019]. Куда менее лирично высказался на этот счет Ж.-Л. Леклерк де Бюффон, который был убежден, что в природе есть только индивиды, а все типы, отряды и классы существуют лишь в нашем воображении (см.: [Wohl, 1960]).

Мягкость и динамичность новой научной парадигмы заключалась и в том, что она не стремилась к абсолютной объективности. Ученые-романтики не просто признавали роль субъективного фактора в познании, но и открыто призывали интегрировать его в процесс постижения истины [Sha, 2018, p. 2]. Главную роль здесь

они отводили воображению, считая его особым эпистемологическим свойством, которое позволяет генерировать идеи и находить неочевидные, но эвристически перспективные аналогии, как научные, так и поэтические. Особенно важно то, что воображение признавалось «холистическим» модусом познания действительности, позволяющим получить системное представление о ней [ibid., p. 25].

В романтической парадигме воображение выполняло две основные функции. Во-первых, оно помогало строить гипотезы в условиях ограниченности реального знания, о чем, в частности, писал С. Кольридж [Morrison, 2021]. Во-вторых, оно позволяло не только изучать уже выявленные формы материи, но и прогнозировать открытие новых и способствовать их изучению. По мнению романтиков, только воображение и связанный с ним инсайт являются основой любого значимого научного открытия. Достижение, являющееся результатом кропотливой тщательно распланированной работы, педантичного, методологически выверенного следования своду готовых правил, они считали карикатурой на реальный научный процесс [Sha, 2018, p. 10].

Несмотря на некоторую авантюристичность такого рода исследовательской философии, она в полной мере доказала свою продуктивность. Благодаря воображению ученых-романтиков появились такие новые отрасли знания, как космология и космогония, естественная история, исследование психических состояний (сознательных и бессознательных, нормальных и патологических); родились экспериментальные дисциплины, призванные изучать скрытые силы природы (электричество, магнетизм, гальванизм и др.); появились науки, фокусирующиеся на познании сущности предметов на основе исследования их внешнего вида, а также различных внешних проявлений (физиognомия, френология, метеорология, минералогия, философская анатомия и др.) [Romanticism and the Sciences, 1990, p. 6]. Несмотря на то, что некоторые из этих парадигмальных открытий были позже признаны псевдонаучными (френология, например), примечателен совокупный вес того вклада, который романтики внесли в научный прогресс, а также визионерский характер их мышления и деятельности. В целом ряде случаев им удалось наметить стратегию развития отдельных отраслей знания на столетия вперед. Так, по признанию Д. Джиганте, ученые-

романтики описывали сложность живого организма именно так, как начали описывать ее биологи уже в XXI в. [Gigante, 2009].

Весьма символично и то, что само слово «ученый» (*scientist*) было языковой инновацией, предложенной романтиками. Известно, что авторство этого ключевого для науки термина принадлежит У. Уэвеллу, который впервые употребил его в 1833 г. на заседании Британской ассоциации за продвижение науки (*British Association for the Advancement of Science*) после того, как С. Кольридж потребовал, чтобы ее члены перестали называть себя «натурфилософами». В 1834 г. У. Уэвелл впервые использовал слово «ученый» в своей рецензии на работу Мэри Сомервилл, руководствуясь не только собственно семантическими, но и гендерными соображениями, поскольку традиционное *man of science* очевидно не соответствовало ситуации [Yeo, 2001, р. 110].

Воспевая роль воображения, ученые-романтики отнюдь не утверждали, что его свобода должна быть безграничной. Они пытались нашупать те принципы, которые позволили бы задать воображению определенный вектор, не разрушая при этом ни его спонтанности, ни его порождающего потенциала. Контроль над воображением необходим для того, чтобы не только осуществлять поиск новых феноменов, или форм материи в романтическом их понимании, но и выявлять закономерности их существования [Sha, 2018, р. 26]. Такой подход свидетельствует о том, что романтики все же не уходили в глубокий субъективизм, полностью отвергая принципы научной объективности. Они стремились к поиску баланса между субъективным и объективным, причем наиболее эксплицитно это стремление отражено в трудах А. фон Гумбольдта [Romanticism and the Sciences, 1990, р. 15]. Заслуживает внимания и принцип «нежного эмпиризма» (*Zarte Empirie*), предложенный Гёте. Это ревизионистская экспериментальная практика, в рамках которой ученому предлагается занять пассивную позицию и позволить себе быть движимым изучаемым объектом. Цель при этом заключается не в удовлетворении своих субъективных потребностей, а в более глубоком понимании и максимально полном описании особенностей познаваемого объекта [Goldstein, 2017, р. 13]. Таким образом, считать романтизм течением, враждебным по отношению к науке и полностью отвергающим объективность, было бы упрощением. Ученые-романтики исповедовали антиредукционизм и эпистемо-

логический оптимизм, призывая к холистическому видению мира, в котором природное и социальное слиты в органическом единстве [Romanticism and the Sciences, 1990, p. 3]. Процесс научного поиска, который часто облекался в поэтические и идеалистические формулировки познания тайн и скрытых сил природы, не исключал, а предполагал выявление некоторых общих закономерностей, хотя эта задача и не была приоритетной.

Само изобилие подобного рода формулировок в трудах научных-романтиков глубоко не случайно. Романтизм с уверенностью можно считать не только исследовательским, но и дискурсивным научным проектом. Романтики разработали особые принципы научной риторики, описание которых со ссылками на ключевые работы этого периода мы находим у А.Дж. Гольдстейн. У. Вордсворт настаивал на том, что профессиональный габитус «человека науки» нуждается в поэтической трансфигурации для достижения более полного и точного знания. Он ратовал за использование образного языка и особо благоволил метафоре. По его мнению, ученым следует не изымать метафоры из своей речи, а тщательно подходить к их выбору. Они должны использовать метафоры, наиболее точно подходящие к «потребностям тех страстей», которые делают их необходимыми, во избежание любой неточности в описании. Чрезвычайно любопытно то, что в трудах некоторых романтиков необходимость использования образного языка трактуется физиологически. Так, И.Г. Гердер полагал, что нервы и волокна в организме человека способны составлять конфигурации, которые являются невербальными аналогами аллегорий, метафор и других фигур речи, тем самым создавая условия и (как мы сказали бы сейчас) закладывая концептуальный фундамент для сознательной передачи сенсорного опыта уже в вербальном формате. Совершенно очевидно, что если сенсорный базис эмпирического знания признается глубоко поэтичным по своей сути, эпистемический статус образного языка меняется: аналогии, метафоры и другие формы перестают быть пустым украшательством, затуманивающим простые чувственные данные, и становятся оптимальным языковым регистром для передачи тех аспектов объективного и субъективного опыта, которые оказались отодвинутыми на задний план философским поиском ясных идей. Гердер, например, называл образный язык «точным», «верным истине», «правдивым»,

«эффективным» и способным передавать мельчайшие детали, которые холодный разум опускает как несущественные [Goldstein, 2017, р. 9–12].

Немаловажно и то, что романтики ратовали за популяризацию науки, просвещение публики, продвижение научных идей в широкие народные массы. Как пишет Р. Холмс, это был первый и великий период публичной научной лекции, демонстрации лабораторных экспериментов, издания учебников – введений в дисциплину, которые часто писались женщинами, преподавания наук детям. Впервые научные достижения стали предметом широкого общественного обсуждения. В качестве примера Р. Холмс приводит дебаты о «витализме» эпохи Регентства. Он же отмечает еще одну важную особенность романтической науки этого периода: идеал чистой, незаинтересованной науки, свободной от власти идеологии и религии, призванной служить на благо всего человечества [Holmes, 2009, р. xi–xix].

Перечисленные выше принципы составляют ядро романтической науки конца XVIII – начала XIX в. К середине XIX столетия романтизм теряет свой интеллектуальный вес и научный авторитет. Активная специализация научного знания требует более точечной фокусировки на предмете и препятствует его эстетизации. Романтизм перестает быть целостной научной парадигмой, однако его принципы, подходы и идеалы продолжают жить в трудах очень многих ученых. По свидетельствам историографов науки, романтизм процветал в Германии и Великобритании в конце XIX в. [Romanticism and the Sciences, 1990, р. xix], послужил основой для создания феноменологической традиции в философии XX в. [Sha, 2018, р. 2], стал важнейшей предпосылкой для развития психоанализа и разработки концепции Я, составляет основу для изучения субъективного мира человека в наше время [Halliwell, 2019].

Специалисты полагают, что романтическую науку нельзя рассматривать как единую и стройную концепцию или научную школу, деятельность которой поддается строгой хронологической атрибуции. Правильнее считать ее набором принципов, которые могут использоваться при проведении исследований в рамках самых разных научных парадигм. Романтическая наука, таким образом, предстает как открытая традиция, которая может быть адап-

тирована к любой исследовательской практике, объединяющей в себе научное и этическое понимание изучаемого феномена и признающей важность эстетического компонента.

Исследователи подчеркивают, что романтическая наука – это одновременно и научная традиция, и жанр письма, для которого характерно использование образного языка и особая динамичность: он допускает комбинирование и перекомбинирование разных нарративных техник в зависимости от содержания конкретного исследования. Ее называют также «открытым дискурсивным полем», в рамках которого ученым позволяет использовать комбинацию различных фрагментированных дискурсов для рассмотрения конкретной совокупности теоретических проблем (см.: [Halliwell, 2019]).

Исследовательская философия ученых-романтиков XXI в. базируется на идеях, высказанных в работах советского нейропсихолога А.Р. Лурии [Лурия 1982, с. 167–181] и его последователя, британского невролога О. Сакса. Она не требует более познания всеобщих законов природы и проникновения в ее тайны, преимущественно фокусируясь на отношении к дисциплинарно специальному объекту исследования.

Так же, как и их интеллектуальные предшественники, современные романтики противятся универсальному (и часто радикальному) аналитизму. Для них неприемлем подход, при котором объект дробится на все более и более мелкие части с последующим точечным изучением выделенных фрагментов для выведения универсальных абстрактных законов. «Стремление свести сложные явления к их элементарным частицам» [там же, с. 168], как и «сведение живой действительности со всем богатством ее деталей к абстрактным схемам» [там же, с. 167], А.Р. Лурия считает редукционизмом, опасность которого заключается не только в механическом упрощенчестве, но и в выхолащивании сути изучаемого. Редукционизм особенно опасен, когда речь идет о науках, изучающих живую материю, в том числе и человека. Как подчеркивает О. Сакс, «нет ничего живого, что не было бы индивидуальным» [Sacks, 2012, р. 228]. Это положение отчетливо перекликается с идеями, высказанными Бюффоном. Оно явно резонирует и с принципами современной системологии, согласно которым свойства целого признаются невыводимыми из свойств составляющих его

частей. Заметим, что это положение практически в той же формулировке содержится уже в трудах С. Кольриджа, который подчеркивал, что части целого работают синергетически, а само целое – это всегда нечто большее, чем просто сумма частей [A Handbook of Romanticism Studies, 2012, p. 4]. Исследователи научного наследия А.Р. Лурии предлагают нам обратить внимание еще на один важнейший аспект его романтической концепции. Лурия настаивает на необходимости пересмотра понятий «целое» и «часть» для того, чтобы между ними можно было установить более точное соответствие. В своих работах он использует такие термины, как «совокупность», «целостность», «завершенность», избегая употребления слов «всеобщий» или «холистический», поскольку они исключают понятие дифференциации. Картина мира, по мнению А.Р. Лурии, должна быть полной и целостной, но все же аналитической. Эта цель, разумеется, никогда не может быть достигнута в полной мере, но она является одной из главных для романтической науки [Contemporary Neuropsychology ..., 1990]. Это положение представляется нам чрезвычайно важным, поскольку оно вновь доказывает несостоятельность претензий к романтизму как к научному эпифеномену.

Современная романтическая наука берет объект во всей его «нередуцируемой многомерности» [Киященко, Моисеев, 2009, с. 11], не ставя перед собой задачу расчленить его на элементарные компоненты и уложить их в прокрустово ложе абстрактных схем. Подхватывая и развивая идеи У. Блейка и Бюффона, современные романтики стремятся к изучению живой реальности и ставят во главу угла «сохранение многообразного характера материала» [Лурия, 1982, с. 167]. Это значит, что приоритетным направлением их исследований становится изучение отдельного случая, индивидуальной «жизненной истории» объекта. Им важно не только выявить и описать объект, но и понять его, учтя все обстоятельства его «биографии». Для этого объект рассматривается «под возможно большим количеством углов зрения», что позволяет понять живую логику, связывающую его с другими объектами [там же, с. 170–171]. «Глаз науки, – пишет А.Р. Лурия, – не исследует предмет, событие, изолированное от других вещей и событий» [там же]. Интересную деталь добавляет к этой картине О. Сакс. Он считает, что традиционная метафора «глаз науки» устарела и не

отвечает потребностям сегодняшнего дня. Современная наука должна использовать не только «глаз», но и «ухо» в тех случаях, когда такого переключения требует специфика изучаемого объекта [Sacks, 2012, р. 283]. «Ухо» – это лишь частный случай новой познавательной перспективы: ученый-романтик должен быть готов к использованию нестандартных подходов и нетривиальных исследовательских инструментов, идти к новому знанию неизведанными путями и неожиданными тропами.

Подобно своим предшественникам, современные романтики сознательно отказываются от «бесконечного верификационизма» [Sha, 2018, р. 19], допуская возможность недостаточной доказательности теоретических построений и методологической выверенности анализа. Они в значительной степени полагаются на интуицию и часто компенсируют отсутствие четкого, алгоритмизированного анализа материала «художественными наклонностями» [Лурия, 1982, с. 168]. Последние позволяют не только нивелировать скучность научного языка, но и придать научному тексту большую живость, наглядность, понятность для непосвященного, что, несомненно, соответствует поставленной еще 200 лет назад задаче популяризации науки.

Преемственность современной романтической парадигмы столь же очевидна, как и причины ее востребованности в современном научном и – шире – социокультурном контексте. Именно романтическая традиция с ее широким исследовательским фокусом, стремлением к получению полной и целостной картины реальности и одновременно вниманием к частному, единичному и отклоняющемуся от привычных стандартов, готовностью к междисциплинарному диалогу, открытостью для взаимодействия с разными культурными практиками оказывается особенноозвучна идеям метамодернизма с его холизмом, коннекционизмом и интеграцией [Dumitrescu, 2007], уважением к индивидуальности, «признанием существования разных уровней реальности, предполагающих разные типы логики» [Киященко, Моисеев, 2009, с. 20], реабилитацией интроспекции как инструмента познания, возрождением духовности.

Реализация принципов романтической науки в современной лингвистике

Именно сейчас, с установлением благоприятного культурного климата, романтическая традиция может оказаться востребованной в гуманитарных науках и – особенно – в лингвистике. Она поможет концептуально сбалансировать ее, укрепив ее «качественную» линию, которая занимается интерпретацией фактов языка и речи. За последние годы лингвистика, очарованная и даже отчасти зачарованная возможностями культуры больших данных, пошла по пути постоянно ужесточающейся формализации. Лингвисты получили возможность работать с большими массивами образцов речи и автоматизировать их обработку. С одной стороны, такой подход позволяет выявлять закономерности функционирования и развития языка и видеть ту самую «большую картину», к которой постоянно устремляется в своем интеллектуальном поиске метамодернизм. С другой же стороны, он мешает проникновению в суть языковых / речевых явлений, нивелируя их индивидуальные особенности и вынося за скобки важный для метамодернизма субъективный компонент.

Этот субъективный компонент проявляется здесь двояко. Во-первых, он предполагает значительную исследовательскую свободу в интерпретации данных. Эта свобода заключается в принципиальной вариативности интерпретативных модусов, возможности исследования экспланаторного потенциала других наук для решения лингвистических задач, отказе от абсолютной доказательности, создании гибких объяснительных моделей и т.п. О важности и ценности интерпретации пишут многие исследователи. Так, А.Р. Лурия, описывая собственное дисциплинарное поле неврологии, говорит о том, что инструментальные методы исследования – это всего лишь вспомогательные приемы, «слуги клинической мысли»; рассуждения не должны следовать за инструментально полученными данными подобно рабу, следующему за своим хозяином [Halliwell, 2019]. О роли интерпретации в получении качественно новых научных данных в биологии пишет упомянутая выше Д. Джиганте. В лингвистике же, как ни в какой другой области, «крайность формализма, строгость определений и доказательство абсолютной объективности, влекущие исключение субъ-

екта, могут иметь только жизнеотрицающие последствия» [Киященко, Моисеев, 2009, с. 11].

Свобода интерпретации неизбежно предполагает и вариативность используемого для ее выражения научного языка. О. Сакс описывает концептуальный конфликт между ярко выраженным богатством феноменального опыта и очевидной бедностью научных формулировок [Sacks, 1990, р. 44]. Романтическая парадигма дает исследователю возможность отказаться от использования клишированных, семантически выхолощенных терминосистем, создав собственный язык, способный отражать богатство живого опыта. Это особенно важно для лингвистики, которая по определению должна проявлять чуткость к смысловым нюансам и культивировать эстетику научного текста.

Еще более важным проявлением субъективного компонента изучаемых наукой феноменов является широкая вариативность их восприятия человеком. Именно особенности субъективного восприятия мира провозглашаются приоритетным направлением исследований в рамках метамодернистской культуры. Главную задачу метамодерна Г. Дембер видит в том, чтобы «защитить субъективно переживаемый опыт от иронического дистанцирования постмодернизма, научного редукционизма модернизма и доличностной инертности традиции» [What is Metamodern?]. В схожем ключе рассуждает Линда С. Сериелло, которая пишет, что метамодернизм возвращает людям право собственности на их переживания, на все то, что принадлежит исключительно сфере их субъективного опыта и плохо соотносится с объективностью, но ощущается ими как подлинная реальность [ibid.]. При этом новая культура не требует от человека ни дисциплины чувств, ни стройности мысли, ни четкости изложения. Ей интересно содержание его сознания именно в том «беспорядочно спутанном» [ibid.] виде, в котором оно там представлено. Говоря словами выдающегося русского писателя Владимира Орлова, внимание исследователя привлекает сама «каша», которая «варится в голове человека», то «борение чувств и соображений», те «муки, страсти, поскрёбы и почёсы подсознания», которые «не пощупаешь», по которым «не ударишь молотком», от которых «не отхлебнешь ложкой», но которые тем не менее составляют нечто, наполненное вполне ощутимой энергией [Орлов, 2018, с. 866–867].

Это «нечто» включает в себя ощущения, эмоции, чувства, интуицию, прекогницию, память, в том числе и ложную, воображение, вдохновение, веру, галлюцинации и множество других феноменов, изучение которых до недавнего времени не представлялось возможным в силу целого ряда причин. Среди них – неактуальность для текущей исследовательской повестки, невозможность исследования средствами самой лингвистики, неясность методологического базиса, неприемлемость слабой доказательности, сложности со сбором данных и их обработкой, приоритетность количественных методов исследования и множество других. В настоящее время, однако, эти препятствия оказываются преодолимыми, а поощряемое метамодернистской культурой взаимодействие между разными дисциплинами и исследовательскими парадигмами, как и активно поддерживаемый плюрализм исследовательских логик, позволяют создавать сложные многоуровневые системы знания. Сложилось общее понимание того, что субъективная реальность при всей ее чрезвычайной сложности все же поддается объяснению, причем для этого не обязательно применять строго научные методы и иметь специальные знания – например, о том, как работает человеческий мозг на нейронном уровне и какие функции выполняют его отделы [Renz, 2020, р. 3]. Всеобщее признание получил и тот факт, что доступ к структурам субъективной реальности осуществляется исключительно посредством вербализации ее содержания, что обеспечивает лингвистике центральное место в системе «человекоориентированных» наук.

В настоящее время в лингвистике активно реализуется целый ряд перспективных исследовательских проектов, направленных на изучение субъективного мира человека: лингвосенсорика, психосемиотика телесности, лингвистика сексуальности, эмотиология, лингвистика измененных состояний сознания и др. Кроме того, лингвистика выступает концептуальным донором для многих областей знания, занимающихся изучением внутреннего мира человека. Среди них, например, клиническая психология и психотерапия.

Весьма примечательно, что из всех лингвистических парадигм наиболее востребованной оказалась концептуальная метафорология. Именно метафора признается наиболее эффективным средством вычертывания содержимого из «ведра человеческого

сознания» [Graziano, 2019]. Говоря более сухим языком науки, метафора оказывается незаменимым средством осмыслиения субъективного опыта. А.Ш. Тхостов, например, называет ее «способом передачи непереводимой информации» [Тхостов, 2002, с. 52], О. Сакс – ответом на самые базовые, фундаментальные вопросы, касающиеся качественных характеристик переживаемого [Sacks, 2012, р. 225], О.В. Ефремова – единственным средством описания непосредственного опыта в противовес отстраненному знанию, которое может обозначаться терминологически [Ефремова, 1997, с. 35]. Заметим, что метафорология – это, пожалуй, наиболее метамодернистская и романтическая из всех лингвистических субдисциплин, поскольку она в значительной степени полагается на исследовательское чутье и фокусируется на интерпретации данных, задавая для нее достаточно широкие и гибкие рамки. Мы полагаем, что именно это направление лингвистических исследований будет развиваться наиболее динамично в ближайшие годы.

Чрезвычайно важно и то, что метамодернистская культура формирует и эксплицитно формулирует запрос на изучение личностных нарративов, которыми ученые «обычно пренебрегают», отдавая предпочтение более формализуемым видам данных [Renz, 2020, р. 3]. В результате в поле зрения лингвистов начинает попадать все более разнообразный речевой материал: наряду с художественной литературой с упором на так называемые «низкие» жанры (хоррор, любовный роман и т.п.) и разнообразными медиатекстами изучается любительская мемуарная проза (автопатография, танатопатография, дранкалог и т.п.), веб-нативные текстовые формы (блоги, посты, твиты) и множество других. Растет интерес к индивидуальным особенностям речи, что дает толчок развитию утратившей популярность идиолектологии. При этом существенно возрастает ценность традиционных «ручных» методов сбора и обработки материала, что дает возможность учета широкого контекста употребления интересующей лингвиста единицы и потенциально обеспечивает более высокий уровень отрефлексированности как материала, так и исследовательской проблемы в целом. Исследование становится более трудоемким, но одновременно более глубоким, по метамодернистски медитативным и творческим процессом.

Заключение

Многие современные исследователи пишут о том, что наука должна «очеловечиться» (*humanize itself*) (см., например: [Halliwell, 2019]). Это требование в первую очередь относится к гуманитарным наукам, в том числе и лингвистике, а его выполнение предполагает ряд сущностных, парадигмальных трансформаций. Главная из них заключается в смещении фокуса с человека как объекта познания на его субъектность. Такая концептуальная рефокусировка требует пересмотра актуальной исследовательской повестки, в рамках которой приоритетным направлением должно стать изучение феноменов субъективной реальности человека. Современная культура метамодерна создает как никогда благоприятный климат для подобного рода исследований, поощряя внимание к чувствам, углубленность в переживания, толерантность к неопределенности, рефлексивность и искренность. В этом культурном контексте особенно актуальными становятся идеи романтической науки, которые оказываютсяозвучными современному «стремлению к серьезности, идеализму и духовности» [Metamodernism ..., 2017, р. 3] и способны вывести науку на новый уровень развития, где сложность ее структуры будет совмещаться с глубиной рефлексии. Таким романтическим проектом для языкоznания, например, может стать создание «Лингвистического человековедения».

Список литературы

- Ефремова О.В. Субъективная семантика интрацепции при ипохондрических синдромах // Психология субъективной семантики интрацепции. Ч. 1. – Москва : Институт молодежи, 1997. – 229 с.
- Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. – Москва : ИФ РАН, 2009. – 205 с.
- Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 181 с.
- Орлов В. Шеврикука, или Любовь к привидению // Останкинские истории. Полное издание в одном томе. – Москва : АЛЬФА-КНИГА, 2018. – С. 765–1275.
- Хостов А.Ш. Психология телесности. – Москва : Смысл, 2002. – 287 с.
- A Handbook of Romanticism Studies / Ed. by J. Faflak, J.M. Wright. – Hoboken : Wiley-Blackwell, 2012. – 440 р.
- Andersen L.R. Metamodernity: meaning and hope in a complex world. – Copenhagen : Nordic Bildung, 2019. – 138 p.

- Contemporary Neuropsychology and the legacy of Luria / Ed. by E. Goldberg. – Hillsdale : Psychology Press, 1990. – 301 p.
- Dempsey B.G. Metamodernism or, the Cultural Logic of Cultural Logics. – York : ARC Press, 2023. – 224 p.
- Dumitrescu A. Interconnections in Blakean and Metamodern Space // Double Dialogues on Space. – 2007. – Is. 7 URL: <https://doubledialogues.com/article/interconnections-in-blakean-and-metamodern-space>
- Gigante D. Life: organic form and Romanticism. – New Haven : Yale University Press, 2009. – 336 p.
- Goldstein A.J. Sweet Science: Romantic Materialism and the New Logics of Life. – Chicago : University of Chicago Press, 2017. – 336 p.
- Graziano M.S.A. Rethinking consciousness: a scientific Theory of Subjective Experience. – New York : W.W. Norton & Company, 2019. – 256 p.
- Halliwell M. Romantic Science and the Experience of Self: Transatlantic crosscurrents from William James to Oliver Sacks. – Abingdon : Routledge, 2019. – 296 p.
- Holmes R. The age of wonder: how the Romantic generation discovered the beauty. – New York : Vintage: 2009. – 601 p.
- Le Cunff A.-L. An introduction to Metamodernism: the Cultural Philosophy of the digital age. URL: <https://nesslabs.com/metamodernism>
- Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
- Metamodernism: historicity, affect, and depth after Postmodernism / Ed. by R. van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen. – London ; New York: Rowman & Littlefield International, 2017. – 260 p.
- Morrison R. ‘Two faces, each of a confused countenance’: Coleridge, De Quincey, and contests of authority // Romanticism. – 2021. – Vol. 27. – No. 3. – P. 322-334.
- Moss-Wellington W. Cognitive film and media ethics. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – 202 p.
- Renz U. The explainability of experience. Realism and subjectivity in Spinoza’s Theory of the Human Mind. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 328 p.
- Richardson J. Televised live performance, looping technology and the ‘Nu-Folk’: KT Tunstall on Later ... with Jools Holland // The Ashgate Research Companion to Popular Musicology. – London : Routledge, 2016. – P. 85–104.
- Romanticism and the Sciences / Ed. by A. Cunningham, N. Jardine. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 368 p.
- Sacks O. Awakenings. – London : Picador, 2012. – 408 p.
- Sacks O. Neurology and the Soul. – 1990. URL: <https://neilgreenberg.com/ao-reading-neurology-and-the-soul-by-oliver-sacks-1990/4>
- Severan A. Metamodernism and the Return of Transcendence. – Windsor : Palimpsest Press, 2021. – 92 p.
- Sha R.C. Imagination and Science in Romanticism. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2018. – 346 p.
- Something altogether weirder. – 2018. URL: <https://studiumgenerale.arteze.nl/nl/agenda/something+altogether+weirder/>

- Storm Josephson J.A. Metamodernism: the future of theory. – Chicago : University of Chicago Press, 2021. – 360 p.
- The new weird / Ed. by A. van der Meer, J. van der Meer. – San Francisco : Tachyon Publications, 2008. – 414 p.
- Turner L. Metamodernism: a brief introduction. – 2015. URL: <http://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/>
- Van Tuinen S. The Philosophy of Mannerism: from Aesthetics to Modal Metaphysics. – Bloomsbury Academic, 2022. 240 p.
- Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. – 2010. – Is. 2. – P. 56–77.
- What is Metamodern? URL: <https://whatismetamodern.com/>
- Wohl R. Buffon and his project for a New Science // Isis. – 1960. – Vol. 51. – No. 2. – P. 186–199.
- Yeo R. Encyclopaedic visions: scientific dictionaries and Enlightenment Culture. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 336 p.

References¹

- Efremova, O.V. (1997). Subjektivnaja semantika intracepcii pri ipohondricheskikh sindromah. In *Psichologija subjektivnoj semantiki intracepcii*. Chapter 1. Moscow: Institut molodezhi.
- Kijashhenko, L.P., Moiseev, V.I. (2009). *Filosofija transdisciplinarnosti*. Moscow: IFRAN.
- Lurija, A.R. (1982). *Jetapy projedennogo puti. Nauchnaja avtobiografija*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Orlov, V. (2018). Shevrikuka, ili Ljubov k privedeniju. In *Ostankinskie istorii. Polnoe izdanie v odnom tome* [pp. 765–1275]. Moscow: AL'FA-KNIGA.
- Thostov, A.Sh. (2002). *Psichologija telesnosti*. Moscow: Smysl.
- Faflak, J., Wright, J.M. (eds.). (2012). *A Handbook of Romanticism Studies*. Hoboken: Wiley-Blackwell.
- Andersen, L.R. (2019). *Metamodernity: Meaning and Hope in a Complex World*. Copenhagen: Nordic Bildung.
- Goldberg, E. (ed.). (1990). *Contemporary Neuropsychology and the Legacy of Luria*. Hillsdale: Psychology Press.
- Dempsey, B.G. (2023). *Metamodernism or, the Cultural Logic of Cultural Logics*. York: ARC Press.
- Dumitrescu, A. (2007). Interconnections in Blakean and Metamodern Space. *Double Dialogues on Space*, 7. Retrieved from: <https://doubledialogues.com/article/interconnections-in-blakean-and-metamodern-space>
- Gigante, D. (2009). *Life: Organic Form and Romanticism*. New Haven: Yale University Press.

---

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле American Psychological Association (APA) 6th edition.

- Goldstein, A.J. (2017). *Sweet Science: Romantic Materialism and the New Logics of Life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Graziano, M.S.A. (2019). *Rethinking consciousness: A Scientific Theory of Subjective Experience*. New York: W.W. Norton & Company.
- Halliwell, M. (2019). *Romantic Science and the Experience of Self: Transatlantic Crosscurrents from William James to Oliver Sacks*. Abingdon: Routledge.
- Holmes, R. (2009). *The Age of Wonder: How the Romantic Generation Discovered the Beauty*. New York: Vintage.
- Le Cunff, A.-L. *An Introduction to Metamodernism: The Cultural Philosophy of the Digital Age*. Retrieved from: <https://nesslabs.com/metamodernism>
- Merriam-Webster. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com/>
- van den Akker, R., Gibbons, A., Vermeulen, T. (eds.) (2017). *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. London & New York: Rowman & Littlefield International.
- Morrison, R. (2021). ‘Two faces, each of a confused countenance’: Coleridge, De Quincey, and Contests of Authority. *Romanticism*, 27(3), 322–334.
- Moss-Wellington, W. (2021). *Cognitive Film and Media Ethics*. Oxford: Oxford University Press.
- Renz, U. (2020). *The Explainability of Experience. Realism and Subjectivity in Spinoza’s Theory of the Human Mind*. Oxford: Oxford University Press.
- Richardson, J. (2016). Televised Live Performance, Looping Technology and the ‘Nu-Folk’: KT Tunstall on Later ... with Jools Holland. In *The Ashgate Research Companion to Popular Musicology* [pp. 85–104]. London: Routledge.
- Cunningham, A., Jardine, N. (eds.) (1990). *Romanticism and the Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sacks, O. (1990). *Neurology and the Soul*. Retrieved from: <https://neilgreenberg.com/ao-reading-neurology-and-the-soul-by-oliver-sacks-1990/>
- Sacks, O. (2012). *Awakenings*. London: Picador.
- Severan, A. (2021). *Metamodernism and the Return of Transcendence*. Windsor: Palimpsest Press.
- Sha, R.C. (2018). *Imagination and Science in Romanticism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Something altogether weirder (2018). Retrieved from: <https://studiumgenerale.artez.nl/nl/agenda/something+altogether+weirder/>
- Storm Josephson J.A. (2021). *Metamodernism: The Future of Theory*. Chicago: University of Chicago Press.
- van der Meer, A., van der Meer, J. (eds.) (2008). *The New Weird*. San Francisco: Tachyon Publications.
- Turner, L. (2015). *Metamodernism: A Brief Introduction*. Retrieved from: <http://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/>
- van Tuinen, S. (2022). *The Philosophy of Mannerism: From Aesthetics to Modal Metaphysics*. Bloomsbury Academic.
- Vermeulen, T., van den Akker, R. (2010). Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics and Culture*, 2, 56–77.

- What is Metamodern?* Retrieved from: <https://whatismetamodern.com/>
- Wohl, R. (1960). Buffon and His Project for a New Science. *Isis*, 51(2), 186–199.
- Yeo, R. (2001). *Encyclopaedic Visions: Scientific Dictionaries and Enlightenment Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
-

Об авторе

Нагорная Александра Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва, anagornaya@hse.ru

About the author

Nagornaya Aleksandra Viktorovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the School of Foreign Languages, National Research University “Higher School of Economics”, Russia, Moscow, anagornaya@hse.ru